

ДРУГИЕ ГОРОДА

Москва, 2017

УДК 7.06

ББК 71.05

Д76

Другие города [Текст] / составитель М. М. Юдкевич. — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2017. — 480 с. — 2000 экз. — ISBN 978-5-7598-1720-8 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1670-6 (e-book).

В книге собрано более 80 рассказов профессоров, преподавателей и сотрудников исследовательских подразделений Высшей школы экономики о городах России и мира, сыгравших важную роль в их академической жизни. В рассказе о каждом городе тесно переплетаются две экскурсии по городу — в том виде, в каком он представляется туристам, и по городу академическому с его университетами и школами.

УДК 7.06

ББК 71.05

ISBN 978-5-7598-1720-8 (в обл.)

ISBN 978-5-7598-1670-6 (e-book)

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2017

*Становятся помехою другие города,
Опять друзья разъехались неведомо куда,
Прости, не знаю имени, но это не беда —
Возьми меня, возьми меня в другие города!*

Ада Якушева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Олег Воскобойников
и Мария Юдкевич

*Города, словно сны, выстроены из желаний и страхов,
хотя нить их речи неуловима, законы абсурдны, будущее
туманно и в каждом предмете таится нечто иное.*

Итало Кальвино. Незримые города

Университеты — один из древнейших и поэтому самых консервативных институтов в жизни европейской цивилизации. Издалека может показаться, что в них столетиями или по крайней мере десятилетиями ничего не меняется. При ближайшем рассмотрении оказывается, что жизнь в них кипит столь же бурно, как везде. Особенно сильно это чувствуется в такие знаковые моменты, как юбилеи. И тогда инстинктивно хочется ухватиться за ускользающее время, сделать синхронный исторический срез и передать его потомкам. Высшая школа экономики родилась в Москве двадцать пять лет назад, и такой юбилей в сравнении даже с относительно молодыми университетами России можно считать детским. Однако для молодого университета четверть века — уже история. То, что казалось основой основ двадцать лет назад, сегодня уже «эпос». И это героическое прошлое по-настоящему живо и формирует не только наше общее сегодня, но и завтра¹. Мы привыкли оглядываться назад и любим регулярно рассказывать городу и миру, откуда мы, куда идем и что ищем.

¹Нам 20 лет.
Юбилейный альбом
Высшей школы
экономики. М., 2012.

У Вышки никогда не было настоящего кампуса с кирпичными корпусами, лужайками для студентов и аллеями для размышляющей над своими предметами профессуры, музеем и другими важнейшими составляющими образа университета. Она «кочевала» и продолжает «кочевать» в городе, ставшем ее родиной, и в трех присоединившихся к столице крупных городах: Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Перми. Может быть, поэтому связь с нашими городами мы ощущаем каким-то особым образом. Если Гарвард так же «далек» от приютившего его в XVII веке Кембриджа (Массачусетс), как Джонс Хопкинс от Балтимора или Йель от Нью-Хейвена; если британские Кембридж и Оксфорд — по сути, города-университеты; если, наконец, МГУ — это Воробьевы горы, то Вышка на протяжении всей своей пока недолгой истории интегрируется в Москву, вырастает в нее, стремясь стать неотъемлемой составляющей образа столицы, «фактом городской среды» и коллективной памяти.

Дело, конечно, в первую очередь не в зданиях, а в людях: мы соприкасаемся с миром города и впитываем в себя опыт миллионов людей, вовсе не только москвичей — и даже большей частью не москвичей. Возможно, поэтому Вышка принципиально космополитична и говорит на десятках языков. Мы — такая планета, где все друг друга понимают, где физик лиричен, а лирик не отворачивается от мироздания. Как известно, «не для школы, а для жизни мы учимся», но добавим к этому, что и учимся мы не только в школе, но и у самой жизни. В попытке зафиксировать еще один этап на нашем пути мы исходили из того, что настоящая История университета — это не библиографические списки, не рейтинги, не «тенденции развития» и даже не протоколы заседаний ученого совета, но в первую очередь история поколений людей, которые всю жизнь учатся и щедро делятся своими находками с окружающими. И это — живая история, повесть о настоящем человеке, которую писать увлекательно и поучительно не только для нас и не только отдавая дань ностальгии.

² Поколения ВШЭ. Учителя об учителях. М., 2013. Поколения ВШЭ. Ученики об учителях. М., 2013.

³ Первые рассказы этой книги выходили в «Географии Вышки» — приложении к бюллетеню «Окна роста» (okna.hse.ru/news/geo). Они вызвали большой интерес читателей как внутри Высшей школы экономики, так и за ее пределами.

⁴ Платон. Федр. 230d / Пер. А.Н. Егунова // Платон. Сочинения. Т. 2. М., 1970. С. 163.

Наши учителя рассказали нам о своих учителях, мы, «школяры», рассказали о наших наставниках². Новая книга тоже должна быть о людях³. В художественной литературе нетрудно найти примеры книг, которые вместе с вымышленными или реальными героями вводят читателей в историю городов тех эпох, о которых они говорят. Благодаря свободе, присущей словесности, пушкинский Петербург для нас такой же живой, как флорентинский Париж или Флоренция Боккаччо. Но нам не хотелось говорить собственно о себе. И наверное, поэтому лежащая перед читателем книга — о других городах. Здесь рассказывают об университетах, но не о нашем университете. Мы писали не автопортрет. Без малого три поколения вышкинских ученых, от первопроходцев до новобранцев, вспоминая здесь о городах, в которых они выросли, учились, работали; о городах, давших новый поворот их научной судьбе; о городах, в которых — как часто заканчивают свои очерки наши авторы — «я мог/могла бы жить». Мы исходили из того, что ученый имеет право не на одно, а на несколько «мест силы», и поэтому попросили коллег рассказать о том городе, который для каждого или каждой из них особенно важен. Почему город? Не страна, не лес густой, не реки и мосты? Очень просто. Федр в одноименном платоновском диалоге спрашивает Сократа, дивясь его чужеземной манере говорить, отчего же тот даже за городские стены не выходит, на что Сократ с присущей ему иронией отвечает: «Извини меня, добрый мой друг, я ведь любознателен, а местности и деревья ничему не хотят меня научить, не то что люди в городе»⁴.

Все мы в наших — других — городах чему-то учились, помногу и понемногу, кто две недели, кто десять лет, поэтому и рассказывать будем в первую очередь о людях, у которых учились, с которыми учились. Наши тексты — такие же разнообразные по стилю, как сами города четырех континентов (к сожалению, неохваченной осталась Антарктида). Здесь есть «схожие с бисером городки» и есть мегаполисы, размеры которых и москвичу внушают страх. Для кого-то его город — библиотеки и университетские аудитории, для кого-то — «место грусти, выи, склоненной в баре», сеть проспектов, улиц и переулков, транспортных развязок, воспоминаний; иногда — меланхолических раздумий о будущем, в котором уже нет места пережитому ими прошлому. Для кого-то город — артефакт, «исторический источник» и даже — почему бы и нет? — произведение искусства. Читатель, выбрав приглянувшийся ему континент, найдет и имена конкретных ученых, и названия лабораторий, и гласно-негласные правила академической этики, и «толпу музеев», и способ сэкономить на проезде, и прочие «особенности национальной рыбалки». Голоса наших авторов сохранены здесь в максимальном приближении к тому, как они звучат. Получился, наверное, многоголосый путеводитель по городам, давшим нам образование, и мы надеемся, что молодому читателю он поможет в ответственный момент сделать правильный выбор, читателю же старшего поколения даст повод сравнить свои города с нашими.

Наша книга открыта для новых авторов, и мы надеемся, что жители многих городов — шумных и тихих, просыпающихся по утрам от шума волн и окруженных горами; городов стекла и бетона и городов с резными палисадами, утопающих в зелени и солнце; столиц и городов, играющих в прятки с действительностью, — в будущем впишут в нее свои страницы. Кто-то сегодня начинает свое утро с прогулки по булыжной мостовой средневекового городка, кто-то лавирует в потоке машин на центральных авеню остекленных мегаполисов, под чьими-то ногами скрипят деревянные половицы. Все они очень разные — дороги, ведущие к университету.

ЧАСТЬ I

БЕРН

Даниил Цыганков

Когда в начале 2000-х я перебрался из Петербурга работать в ВШЭ, я начал развивать довольно новое для России направление — оценка программ и политик. Я регулярно расширял свои знания — для преподавания, для исследований, для консультирования госорганов. А Швейцария на тот момент представляла собой очень любопытный феномен, так как это первая страна, где оценка эффективности государственных политик, в широком смысле, была зафиксирована статьей Конституции (в 1999 году). При этом в Швейцарии людей с высшим образованием примерно 25-30% — не так много по сравнению с другими странами, но швейцарцы чаще других переучиваются. Для них нормально даже в 35-40 лет получить магистерскую степень. Году в 2005-м Бернский университет разработал и запустил программу дополнительного образования по оценке программ и политик, на которой преподавало много практиков и были свободные места на отдельные модули программы. В середине 2000-х Вышка как раз стала получать довольно значительную поддержку от правительства для переобучения, стажировок, трансфера знаний из зарубежных университетов. Первый раз я поехал на месяц в Берн по линии ИОП; потом было еще несколько поездок на пять-семь дней при поддержке фонда факультета ГМУ и Центра повышения квалификации, так что всего у меня есть сертификаты по четырем модулям этой программы.

Первым делом выяснилось, что до Берна нет прямых рейсов из Москвы. Нужно лететь прямым рейсом до Женевы или Цюриха, а затем ехать на поезде. Или же надо пересаживаться в Мюнхене на маленький винтокрылый самолетик до аэропорта Берн-Бельп. Там очень приятная, домашняя атмосфера, теплые взаимоотношения между работниками аэропорта и пассажирами. Возвращаясь в Россию в первый раз (был рейс рано утром), я, как обычно, приехал за два часа, и этот маленький аэропорт — громадный ангар посреди поля — оказался закрыт. Рейс был ранний, люди летели из Берна в Мюнхен на работу — для них самолет вроде нашей электрички. Мы уже готовились взлетать, как вдруг командир объявляет, что ему позвонил человек: он опаздывает на рейс, давайте подождем? И действительно, тот приехал в аэропорт за пять минут до вылета. Для Швейцарии характерна такая абсолютно крестьянская атмосфера. Люди часто встают в 5 часов утра. Еще сто лет назад надо было «доить корову», и эта привычка рано вставать осталась. Приемные часы в госорганах Швейцарии — с 7 до 11 утра. Поэтому, если тебе нужно туда по делам, приходится тоже вставать рано.

Швейцария — небольшая страна, и Берн находится в самом центре, так что я мог посетить все те города, которые мне были интересны, в том числе и с академической стороны. Например, я писал в СПбГУ диплом о философе Иване Ильине и поэтому решил доехать до пригорода Цюриха — Цолликона, где тот был похоронен в 1954 году. Писал диссертацию о Солженицыне — и доехал до кантона Аппенцель-Иннерроден, который описан в его очерках «Угодило зернышко промеж двух жерновов» (это — продолжение «Бодался теленок с дубом»). Но Берн оставался точкой притяжения, где я мог выполнить, так сказать, основную миссию этих поездок — добрать знаний, добрать исследовательского инструментария. Нам преподавали консультанты и швейцарские госслужащие, которые, в частности, создавали механизм оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов. Они рассказывали о том, как им удалось сделать такой скачок в царство свободы буквально за пять-семь лет. Все это потом пригодилось мне и в преподавании, и в обучении, и в проектах, которые я делал в Вышке.

На эту программу приезжали разные люди: и постарше, и помладше, кто-то — статусный чиновник или замглавврача, кто-то — фрилансер, юмористически относящийся к госслужбе. Их всех надо было как-то интегрировать. Среди наших преподавателей был коллега из Мюнхенского университета, и, чтобы всех перезнакомить, он поставил на доске точку, сказал: «Вот Берн», — и предложил нарисовать шкалу «кто откуда». Нужно было выйти из-за столов и расположиться по всей длине аудитории на этой шкале: получилась своего рода живая линейка. Там были слушатели из итальянских кантонов, из Лихтенштейна. Естественно, я из Первопрестольной оказался дальше всех. Позже я использовал этот прием в своих гостевых лекциях в санкт-петербургском филиале Вышки, для того чтобы разрушить у студентов стереотип профессора, вещающего *ex cathedra*.

В Швейцарии в академической среде люди достаточно быстро переходят на «ты», даже быстрее, чем в Москве. В Петербурге на это уходят годы; в Германии, где я учился до перехода в ВШЭ, тоже не так просто. А в Берне мне сразу предложили перейти на «ты», но мой немецкий коллега предупредил меня, что очень важно при этом не просто говорить «ты», а еще и добавлять имя: «ты, Хайнц», «ты, Гельмут». Просто «ты» — это моветон. Говоря «ты» и называя по имени, ты подчеркиваешь, что помнишь того, с кем говоришь. Я поразился: «Мы в течение дня со всеми перешли на «ты», как я всех запомню?» — «А вот зайди на сайт и выучи, как всех зовут. Ты же собираешься здесь целый месяц общаться?» И я действительно выучил.

Берн отличается от традиционных европейских столиц. Такой сонный, уютный городок, совсем непохожий на метрополию. Тому, кто хочет почувствовать пульс жизни, надо ехать в Цюрих или Женеву: в зависимости от того, кого он «предпочитает» — немецких протестантов или французских католиков. Когда смотришь на Берн сверху, с колокольни, на ум сразу приходит аналогия с «Городком в табакерке». Эти крыши с красной черепицей, аркады, проулки, рыночная площадь. Много кафе, в том числе напротив здания Федерального собрания — швейцарского парламента. Город был основан герцогом Бертольдом Церингеном в 1191 году. По местной легенде, он поклялся назвать город в честь первого животного, которое убьет на охоте. Отсюда и пошло название Берна: *Väg* по-немецки означает «медведь». Но затем, когда начал развиваться посад, наследники герцога повелели застраивать его таким образом, чтобы было много длинных улиц и мало площадей, так что народу негде было собираться и в случае восстаний легко можно было бы их подавить. Узкие улочки, которые может контролировать небольшое количество стражников, и никаких больших площадей, где могла бы собираться толпа. Благодаря этому мы сейчас имеем такой «городок в табакерке». Аркады позволяют даже в непогоду без зонтика передвигаться по историческому центру города, расположенному на полуострове в излучине реки Аре, от магазинчика к магазинчику, от одного кафе или небольшого музея к другому.

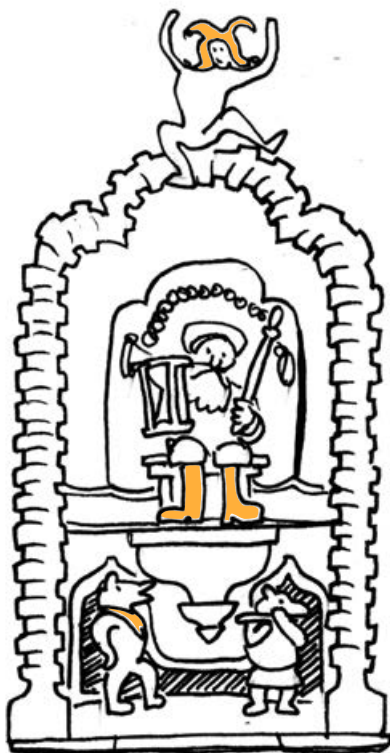
В остальном город, пожалуй, не сильно изменился с тех пор, как стал столицей конфедерации в 1848 году. Правда, в героическую эпоху Швейцарской Конфедерации, когда швейцарцы еще не были такими неторопливыми и важными, им приходилось отбиваться от бургундцев. В центре Берна стоит памятник Адриану фон Бубенбергу, у которого практически такая же история взаимоотношений с городом, как у Александра Невского с Господином Великим Новгородом. Фон Бубенберг был видной фигурой в бернском кантоне, но в какой-то момент Бернский совет большинством голосов запретил ему любую политическую деятельность, и он удалился в родовой замок. Но когда пришел войной бургундский герцог Карл Смелый, его снова призвали. И фон Бубенберг оборонял крепость Муртен, прикрывая Берн со стороны вторжения, пока кантон с союзниками собирал ополчение, и выдерживал осаду. 22 июня 1476 года Карл Бургундский потерпел поражение под Муртеном. У швейцарцев даже есть поговорка, что в первой битве Карл потерял добро (то есть обоз), во второй — мужество, а в третьей — жизнь (*Karl der Kühne verlor bei Grandson das Gut, bei Murten den Mut, bei Nancy das Blut*).

Главный вокзал Берна примыкает к бывшей крепости, остатки которой, в свою очередь, интегрированы в университетский комплекс. Поэтому мне было очень удобно идти от гостиницы сквозь вокзал, садиться на лифт, который поднимался на четыре этажа вверх и останавливался на уровне университета. Улица, которая идет мимо выхода из лифта к университету, носит имя Анны Тумаркиной — первого профессора-женщины Бернского университета. Швейцария в конце XIX — начале XX века была в академическом плане жуткой провинцией, поэтому люди, которые не могли получить профессорское звание у себя на родине, в том числе в Российской империи, ехали за этим в Швейцарию, и женщины тоже. Так что улочка Анны Тумаркиной отражает историю давних академических связей России и Швейцарии.

В 2008 году, когда я приехал в Берн во второй раз, там проходил чемпионат Европы по футболу. Голландия играла в отборочной группе в Берне, и приходилось ходить через толпы голландских болельщиков. Приехало больше десяти тысяч голландцев. Они все ходили в оранжевом, и весь город стал оранжевым. Было очень весело, полное впечатление карнавала. Слово «зажгли» я, наверное, в полной мере ощутил, глядя на голландцев, которые пели, танцевали и всех втягивали в свое веселье. Поразительно, что такое большое количество приехавших в таком маленьком городе смогли самоорганизоваться так, что там не произошло ничего криминального, при том что пиво лилось рекой. Бернцы были впечатлены: им очень понравился визит голландцев. Дальше с голландской сборной произошла хорошо у нас известная «трагедия». Голландцы переехали в Базель в статусе безусловного фаворита четвертьфинала, но там нарвались на более быструю, более молодую и «более голландскую» сборную России под руководством

Хиддинка. Я тоже поехал болеть за наших в Базель. Российских болельщиков приехало гораздо меньше, чем голландских, потому что никто не думал, что Россия вообще выйдет в четверть-финал. Швейцария тогда еще не была в шенгенской зоне, и множество российских фанатов, находившихся в Австрии на момент выхода России в плей-офф, физически не смогли приехать из-за отсутствия у них швейцарских виз. И оказалось много свободных билетов, которые РФС продавал прямо в Базеле. После матча я возвращался в Берн на поезде, где был чуть ли не единственным русским в майке с российской символикой, а кругом ехали одни голландцы, которые, конечно, были безумно расстроены, но тем не менее вели себя мирно, поздравляли меня с хорошей игрой Аршавина и Ко.

Если бы я снова оказался в Берне, я, может быть, снова зашел бы в российское посольство — к людям, которые в свое время содействовали переносу праха Ивана Александровича Ильина из Цолликона в некрополь Донского монастыря. Аташе по культуре рассказывал мне, что российское посольство очень грамотно подошло к аргументации. Поскольку Швейцария — это конфедерация с системой самоуправления, там не как у нас — звонить президенту бесполезно, все решает сама община. И выборные общины Цолликона не понимали сначала, почему надо эксгумировать прах Ильина и перевозить его в Москву. Могила на кладбище в Цолликоне с 1954 года, все нормально, место оплачено еще на много-много лет. И наше посольство подготовило письмо от МИДа с обращением от имени российского руководства, в котором говорилось, что Ильин очень важен для российской истории. И швейцарцев так поразило, что великая Россия обращается к общине напрямую, а не пытается оказать давление, что они пошли навстречу. Сейчас можно прийти в некрополь Донского монастыря и увидеть там могилы Деникина, Каппеля, Ильина. И для меня этот мемориал тоже ассоциируется с Берном, потому что наши бернские дипломаты помогли ему появиться.

Еще я бы, наверное, поиграл в шахматы на площади Бундесплац. Перед Федеральным дворцом, в котором располагается парламент, бьет фонтан в двадцать шесть струй (по числу кантонов). Струи бьют в определенной последовательности, и любимая забава подростков — бегать и уворачиваться от брызг. А люди постарше тут же неподалеку играют в большие уличные шахматы. Я там тоже один раз играл. Местный чемпион обыгрывал всех со страшной силой, и тут подошел я и напросился сыграть. У меня спросили, есть ли у меня деньги (кажется, ставка была двадцать швейцарских франков), я показал. Мне снисходительно уступили право играть белыми. И я разыграл с этим бернцем так называемый «северный гамбит», дебют, предполагающий, что в начале партии белые отдают много материала. Этот дебют был безумно популярен сто — сто двадцать лет назад, но сейчас его не играют, потому что теория показывает, что белые проигрывают, если черные играют грамотно. А вот если черными играет любитель, который не знает этой комбинации, он хватается и хватается пешки и остальные фигуры, и заканчивается все для него плохо. Все же я в школьные годы играл профессионально и потому выигрыш брать не стал. Короче, перефразируя известный рекламный слоган, можно сказать: «Заматовать короля в центре доски, напротив Федерального парламента Швейцарии — бесценно».

Свою экскурсию по Берну я бы начал с главного вокзала. Оттуда можно проехать на лифте и попасть в университетские здания, посмотреть библиотеку. Другой вариант — двинуться по полуострову, на котором расположен исторический центр Берна, и идти по аркадам вдоль остатков крепостных стен. Потом я бы обязательно прогулялся по мосту через Ару, по которому, согласно легенде, ходил Альберт Эйнштейн. Он ведь жил в Берне в тот период, когда обдумывал свою теорию относительности, как раз ходил на работу этой дорогой. И я этому не удивляюсь, ведь свежий бернский воздух необычайно вдохновляет: у меня самого родилось там несколько интересных идей, которые я позже развил в одной статье. Берн — лучшее место, чтобы обдумывать научные идеи.

Берн — это не тот город, в котором вы найдете безумное количество развлечений. Пожалуй, главная музейная достопримечательность — это открытый в 2005 году Центр Пауля Клее, известного художника первой половины XX века, родившегося в Берне. Центр расположен на востоке Берна, минут пятнадцать на трамвае от главного вокзала.

На берегу Ары есть большая яма, где живут медведи. Это место культовое. О нем еще Иван Тургенев вспоминал — как, будучи маленьким, чуть не свалился к медведям, отец поймал его за ногу и вытащил. К медведям все приходят обязательно, смотрят, и вроде даже разрешено кормить их какими-то морковками. В определенный момент им пробили проход к реке, чтобы они могли купаться. Очень милое зрелище.

Еще я бы посоветовал использовать Берн как опорный пункт для поездок по Швейцарии. Съездить в Межозерье (Интерлакен), забраться в горы. Промочить ноги в Женевском озере. Доехать до Люцерна, посмотреть те места, где Суворову пришлось развернуть войска, повторившие чудо-поход Ганнибала. Спуститься с горы Пилатус и махнуть в поезде с прозрачной крышей до итальянских кантонов, до Лугано. Хорошо бы найти два-три дня на поездку в такие небольшие городки, как Монтрё или Золотурн (еще один «городок в табакерке», но уже без всех этих федеральных ведомств).

Для Швейцарии характерно участие науки в оптимизации управленческих решений. Хотя собственно чиновников и немного, они часто делают ставку на академическое сообщество. Они публикуются, встречаются и читают друг другу доклады, переобучаются, сами кого-то учат. Швейцария в плане управления — страна победивших методик, подходов, прикладных знаний. Российскому правительству начиная с 2000 года предлагалась масса разнообразных отчетов, составленных экспертами. В лучшем случае они откладывались, в худшем демонстрировалось презрение к академическим кругам: у нас практики-чиновники противопоставляются академическим «псевдоэкспертам». В Швейцарии этого нет, они уже прошли это бессмысленное противопоставление, у них и те и другие постоянно учатся и переобучаются. Люди из академических кругов призываются на самый верх системы управления. Это чрезвычайно повышает эффективность применения любых принимаемых решений, хотя и увеличивает издержки обсуждения. Обсуждение происходит очень долго. Заседают консультативные советы, которые привели бы в бешенство российских чиновников. А швейцарцы по четыре-пять лет обсуждают проблему, но после того, как они договорятся, достигнут экспертного и политического консенсуса, решение применяется с минимальными издержками, так как с ним все согласны. И эффективность такого подхода очень высока. Это то, чему меня научил Берн: кооперироваться, слушать других, уважать чужое мнение, перебирать разные варианты и, только собрав и проанализировав все мнения, действовать сообща с большой эффективностью. Думаю, это не только бернская, но и швейцарская манера.

В мире есть несколько городов, где я мог бы жить. Может быть, благодаря тому, что помимо английского я свободно владею немецким, я мог бы жить в Берне или Берлине. В Берне я мог бы жить долго и постоянно, после того как совсем отошел бы от дел и — необходимо добавить! — если бы на это хватило денег.

БИРМИНГЕМ

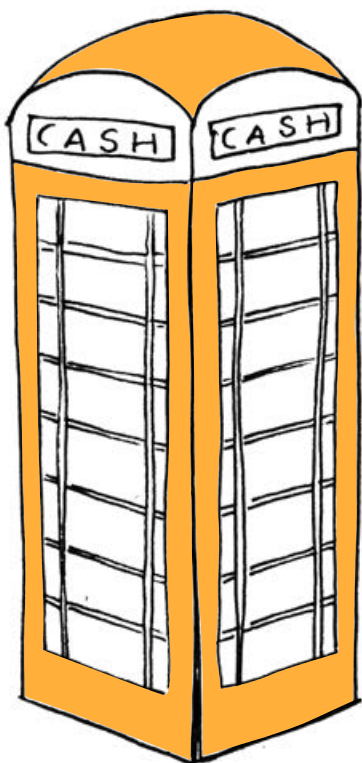
Михаил Комаров

В Университете Бирмингема я впервые оказался в 2010 году, когда в числе ста других студентов, аспирантов и магистрантов стал стипендиатом Президента РФ на обучение за рубежом. Я тогда оканчивал аспирантуру в МИЭМ и поехал туда по научным направлениям electrical engineering и computer science — так тогда это называлось в Англии. Президентская стипендия предполагает, что ты сам выбираешь страну и университет, куда хочешь поехать, и договариваешься, что тебя там примут. Почему я выбрал Великобританию, понятно. Я давно хотел побывать в этой стране, познакомиться с ней, считаю ее очень интересной. Кроме того, я очень люблю английские фильмы и сериалы, британских актеров, культуру вообще. К тому же еще совсем недавно Британская империя была огромной, самой большой в мире. Мне было интересно, как там живут люди, как устроено классическое британское образование.

Что касается выбора именно Бирмингема, то так сложилось. У меня было несколько предложений из британских университетов, то есть варианты были, но я остановился на Бирмингеме. Все-таки это второй по величине город в стране после Лондона. Там я и находился в 2010-2011 учебном году. За этот год я фактически написал свою кандидатскую диссертацию. Это получилось так быстро, потому что в Бирмингеме темп жизни совсем иной, чем в Москве. Там можно было вести спокойную жизнь, оторванную от забот. Поэтому мне удалось сконцентрироваться на диссертации. Там у меня появилась та академическая жизнь, которой мне прежде не хватало. Да и сама жизнь вне постоянных перегрузок, такая обычная классическая студенческая жизнь, возможность задуматься о собственном существовании — все это мне очень много дало. Еще Бирмингем мне запомнился надолго потому, что у меня там появилось и осталось много друзей из разных стран. К тому же это был мой самый первый опыт долгосрочного проживания отдельно от семьи, тем более в другой стране. Я очень повзрослел.

Университет Бирмингема интересен тем, что на его территории есть замечательная часовая башня. Если мне память не изменяет, их всего две таких в мире, причем в свое время она была одной из самых высоких европейских башен. Университет достаточно старый, он основан в 1900 году, это университет с традициями. Он является самым старым и самым престижным среди так называемых «краснокирпичных университетов» Великобритании, а в центральной части страны он самый крупный. В стране есть только четыре университета, выпускники которых получали Нобелевскую премию, и Бирмингемский университет один из них. Из университета вышло восемь нобелевских лауреатов, первый из которых — Ф. Астон, получивший Нобелевскую премию в области химии в 1922 году, а последние — П. Нерс, которому дали премию в области медицины и физиологии за 2001 год, и А. Баллок, член Межправительственной группы экспертов по изменению климата, награжденной Премией мира в 2007 году. Да и вообще из университета вышло очень много известных ученых, причем в самых разных областях науки. Сейчас университет очень успешен в области борьбы с раком и в ряде других направлений.

На территории университета работает Европейский исследовательский институт, который в свое время открывал Тони Блэр. Университет имеет старый классический кампус. Там много интересных с исторической точки зрения зданий. Я работал там в качестве research fellow под руководством замечательного человека, профессора Кристофера Бейбера. Как раз в то время, когда я приехал, мой научный руководитель стал руководителем Школы электротехники, электроники и вычислительной техники. Кристофер Бейбер до сих пор там работает. Он один из немногих лауреатов, которые являются обладателями медали по эргономике, да и в целом известен своими исследованиями в области человеко-машинного взаимодействия. Мне тогда эта тема была достаточно интересна и близка, поэтому я и попал в его лабораторию, которая называлась Лабораторией человеко-машинного взаимодействия. Надо сказать, это направление не было непосредственно связано с темой моей диссертации, посвященной беспроводной передаче данных. Но человеко-машинное взаимодействие — это тема, которая сегодня актуальна везде, поэтому с коллегами в рамках Лаборатории человеко-машинного взаимодействия я проводил некоторые исследования и эксперименты. Надо отметить, что я попал туда вместе с одним из бывших членов кадрового резерва Вышки, моим коллегой и другом Сергеем Ефремовым, который до сих пор работает у нас в Школе бизнес-информатики. Сергей получил стипендию от Университета Бирмингема и приехал туда на полгода.

Там я занимался также исследованием и разработкой систем позиционирования внутри помещений, и часть этого исследования была использована в моей диссертации. Опыт, полученный во время работы в этой лаборатории, был использован мной настолько, насколько это было возможно. Кроме того, за время нахождения там я еще проехал по всем ведущим университетам Англии. Я побывал в университетах Шеффилда, Оксфорда, Кембриджа, там я познакомился с теми специалистами, которые мне были интересны с точки зрения моих научных интересов, — с руководителями лабораторий в области передачи данных и сенсорных сетей. Я делал презентации своей диссертационной работы, узнавал их мнения, слушал их комментарии. В России любят говорить, что мы отстаем в тех или иных областях науки и технологий, и мне хотелось понять, действительно ли мы отстаем. И я выяснил, что не особенно-то мы и отставали в то время. Мои исследования были на том же уровне, что и исследования в этих университетах. Сознать это было очень приятно.

Конечно, академическая жизнь в Бирмингеме и других университетах существенно отличалась от того, к чему я привык в Москве. Обращало на себя внимание плотное и достаточно формальное взаимодействие научного руководителя с аспирантами. У научного руководителя есть обязательная еженедельная встреча с его аспирантами, на которой каждый из них рассказывает, что он сделал за истекшую неделю. В университете есть специальный документ — печатный формуляр, в который вносится информация о взаимодействии с руководителем, — и это мне было в новинку. Каждая встреча заканчивается заполнением и подписанием соответствующего формуляра. Он содержит краткое изложение содержания беседы руководителя со студентами: зачем встречались, о чем договорились, подписи руководителя и того студента или аспиранта, который с ним встречался. По окончании

какого-то периода времени проводится подсчет количества этих формуляров. Так это устроено, и мне такой формальный подход понравился — стимул для студентов. Ты всегда можешь взять себе копию, а сам оригинал остается в департаменте. Дальше все достаточно просто: если не хватает таких встреч, то есть аспирант не общался с руководителем, не обсуждал ход своей научной работы, он идет на отчисление. Соблюдение таких формальностей было для меня в новинку. Мне это показалось настолько полезным, что я пытался ввести для своих студентов что-то подобное, но, к сожалению, на уровне одного отдельно взятого преподавателя у нас такие вещи внедряются тяжело, тут скорее нужна инициатива со стороны руководства факультетов и университета. Студенты совсем не хотят такого формального подхода.

Еще на меня произвела впечатление оперативность при решении насущных проблем. Например, если мне требовалось что-то приобрести для работы в лаборатории, департамент делал это в течение двух дней. Обычно это была какая-то электроника или компоненты для проведения исследований. Обслуживание академических исследований у них осуществляется очень быстро и на высоком уровне. У нас, видимо, этот уровень будет достигнут не скоро.

Аспиранты, которые в это время работали над диссертациями, все в итоге защитились, но в разное время. Все зависит от человека, от его включенности в исследования. Британия отличается от многих европейских стран тем, что там образование в основном платное. Те аспиранты, которые там были, в основном получали финансовую поддержку из грантовых программ, то есть они обязаны были участвовать в определенных исследованиях. И пока они этих исследований не завершат, они могут работать над диссертацией, но защитить ее не смогут. У нас в этом смысле проще. У нас больше свободы в отношении участия в исследованиях, к тому же руководитель не может заставить аспирантов работать над теми исследованиями, проводить которые они не хотят. Однако и в нашем, и в британском подходах есть свои тонкости. Например, приходит аспирант к научному руководителю, и тот говорит ему, что конкретно надо делать, а он отказывается этим заниматься. У нас руководитель в таком случае может отказаться от аспиранта. А там, если аспирант скажет «не буду», значит, не будет — и все! Там аспирант не станет выполнять работу, если не видит в этом смысла. Ему нужно объяснить, почему надо ее делать. И он должен четко понимать, почему ему следует делать именно эту работу. Мне кажется, такой подход связан с тем, что у них платное образование. Я думаю, что и мы к этому придем.

Британская система отличается и от американской, причем кардинальным образом. В Европе вообще и в Великобритании в частности большее значение придают участию в конференциях, нежели публикациям в журналах. Это объясняют тем, что журналы быстро устаревают, а на конференциях новая информация дается достаточно оперативно. Поэтому у них нет требования «публикации в журналах», у них есть требование «участие в конференциях». Когда я туда ехал, одной из моих задач было приехать обратно с какой-то определенной публикацией по теме исследований. Собственно, та самая публикация и появилась на очень престижной конференции в США, куда потом полетели уже мои коллеги. Не важно, что конференция проходила не в Англии. Гораздо существеннее то, что это была ведущая конференция мирового уровня. А то, что за счет этого появилась еще одна публикация, — я считаю, действительно очень хорошо.

Кроме занятий в лаборатории я посещал различные лекции гостевых профессоров. Там был такой порядок, что я мог сам выбирать курсы или лекции, на которые хотел пойти. Я также общался с профессорами, поскольку имел возможность бывать в лабораториях, которые занимались смежными тематиками. Было очень интересно обсуждать с коллегами их видение будущих исследований, связанных с той или иной темой. Спустя годы интересно бывает видеть, как результаты нашего общения действительно превращаются в результаты исследований.

Я принимал участие в ряде исследований, которые проводились университетом. У них там есть интересные исследовательские группы, и я даже принимал участие в определенных тестах. Это интересно и с точки зрения этики. Когда в Бирмингемском университете проводятся исследования, их этика такова, что человеку, участвующему в экспериментах, обязательно заплатят за это деньги. Например, один мой эксперимент заключался в том, что я просто садился в автомобиль и описывал свои ощущения, но мне тем не менее все равно за это заплатили. Это был проект с «Роллс-Ройсом». Исследование было посвящено эргономике новых моделей автомобилей. И задача участника эксперимента состояла в том, что он просто садился в машину и описывал свои ощущения: удобно ему или нет, комфортно ли он чувствует себя в кабине или не очень и так далее. Участнику эксперимента предлагали вопросник, который надо было заполнить. Вообще-то участвовать в тестировании новой модели знаменитого автомобильного бренда, которая еще только выходит в производство, — это само по себе очень здорово. Тем не менее это оплачивалось. Но там были и другие достаточно интересные исследования, тоже оплачиваемые. И когда в исследовании принимают участие студенты, то для них тоже оформляются необходимые документы, и они получают плату за свою работу. Это происходит совершенно автоматически и воспринимается как должное. Понятно, что суммы небольшие — около 50 фунтов. Тем не менее это вполне серьезный стимул.

Теперь о технической базе лаборатории, где я работал. Если здесь, в России, мне кто-то чего-то необходимого для моих исследований не может дать, я стараюсь купить это сам. Там такого не происходит. Но вообще, побывав в Бирмингеме, я понял: представление о том, что мы в России очень сильно отстаем в отношении оснащенности техническим оборудованием, сильно преувеличено. По большинству направлений это отставание невелико, а в биомедицине и других подобных областях его и совсем нет. Я, вернувшись в Россию, говорил об этом на встрече с Президентом РФ, ведь программа, по которой я приехал в Бирмингем, была президентская. На этой встрече я сказал, что лабораторный уровень в Великобритании не сильно отличается от того, что есть у нас. Да, в 1990-е годы мы сильно отставали, но в 2000-е все уже стало совершенно по-другому. И это не только мое впечатление: в Англии я встречал наших отечественных исследователей — специалистов по биомедицине, ведущих ученых из академгородка в Пущине, которые говорили то же самое. Они говорили, что лаборатории в России совершенно ничем не отличаются от лабораторий, в которых они работают в Англии.

Конечно, в таком крупном университете, как Бирмингемский, есть студенты, аспиранты и молодые ученые из самых разных стран. Я работал рядом с молодым человеком из Мексики, была девушка из Малайзии, остальные были британцы, но аспирантов там вообще очень немного. Приезжали несколько девушек из Франции. Британцы преобладают среди студентов бакалавриата, а вот в магистратуре достаточно много иностранцев, в том числе, естественно, из Китая. Впрочем, и магистров не очень много, потому что не все хотят продолжать свое образование. Основное в Бирмингемском университете — это бакалавриат, но и магистратуру они пытаются развивать. Зато у них огромное количество исследовательских лабораторий. Это чисто исследовательские группы, и туда, конечно, приезжают иностранцы. Но не для того, чтобы последовательно пройти бакалавриат — магистратуру — аспирантуру. Чаще всего они приезжают в научно-исследовательскую лабораторию напрямую с вполне конкретной целью или по гранту. Как я, например.

Еще одна особенность Бирмингемского университета, которая придает ему особую привлекательность, состоит в том, что на территории университета находится одна из известнейших художественных галерей. Там есть картины Ван Гога и других знаменитых художников. Эта коллекция собиралась в течение довольно длительного времени, а основана галерея была в 1939 году королевой Мэри. Кроме того, поскольку Бирмингемский университет — один из самых известных университетов Великобритании, вполне естественно, что самые знаменитые люди были его жертвователями. Огромное количество работ, которые там находятся, выставляются в этой

галерею просто по договоренности с владельцами. Эта галерея по-своему уникальна — я не знаю других университетов, на территории которых было бы что-нибудь подобное: это одновременно и институт изобразительных искусств, и художественная галерея. Я часто бывал в ней. Кстати, там можно увидеть много работ, которые пожертвованы выпускниками университета.

Интересно, что на территории университета есть несколько баров и ресторанов, куда по вечерам в конце рабочей недели приходит весь штат сотрудников. У них существует достаточно традиционная практика: по пятницам там собираются профессора, пьют пиво и общаются на научные и околонучные темы. Туда приходят и студенты. В общем, все это очень живое и вполне себе нормальное общение и отдых. Однако в будние дни студенты обедают отдельно от профессоров, у них есть отдельный зал.

В университете одна из самых современных библиотек. Честно говоря, я тогда не исследовал библиотеки в других европейских университетах, но в то время библиотека Бирмингемского университета произвела на меня очень большое впечатление. Там очень комфортные условия для работы, полностью электронная система поиска материалов, быстрый доступ к литературе, все возможности для сканирования нужных материалов.

Большим преимуществом жизни и работы в Бирмингеме для меня было то, что не приходилось тратить много времени, чтобы доехать до работы или учебы, как это обычно происходит в Москве. Жил я в Международном студенческом доме (Wesley International House) — это старинное здание XVIII-XIX веков, которое поддерживается церковью. Мое жилье находилось всего в 10 минутах ходьбы от лаборатории, что для меня было непривычно с точки зрения планирования времени. Мне нужно было всего лишь полчаса, чтобы проснуться, встать, позавтракать и дойти до лаборатории. Поэтому казалось, что у меня есть огромное количество времени для всех дел и занятий. Вообще там, в Бирмингеме, у меня был совершенно другой опыт проживания, совершенно другие эмоции, впечатления и знакомства. Еще на территории кампуса есть очень хороший спортивный центр, огромное число бесплатных спортивных секций. Хочешь попробовать себя в том или ином виде спорта — пробуй. Возможности все есть. Вообще мне кажется, что такие удобства, доступность всего — это характерная черта кампусной системы. К тому же университет дает возможность посмотреть Великобританию. Организуется много различных экскурсий. Я не помню, были ли они платными для англичан, но для иностранцев они почти бесплатные. Я объездил почти всю Англию: Стратфорд-на-Эйвоне, Йорк, Оксфорд, Манчестер и множество других мест. И все это организовал университет.

Еще мне очень понравилось, что там есть бесплатные курсы английского языка для иностранцев. Конечно, я их посещал, и это было очень полезно. Занятия проходили во время обеденного перерыва — это примерно полтора часа времени, и кто хотел, ходил на эти занятия. Мне было интересно заниматься на этих курсах. В общем, организовано все было очень хорошо, а потому много удавалось сделать.

Вообще Бирмингем — это крупнейший студенческий город Великобритании, а может, и один из крупнейших в Европе. В городе находится три крупных университета, в которых учатся порядка 150 000 человек. Ну и, естественно, это промышленный город. В Бирмингеме в свое время располагался известный оружейный завод. Из крупных промышленных предприятий теперь там работает шоколадная фабрика «Кэдбери». В городе находится крупнейший британский торговый центр «Булл Ринг» (Bull Ring). Если говорить об архитектуре, то я бы не сказал, что там есть что-либо выдающееся. Там довольно много старых зданий, есть центральная площадь с мэрией, типичная для английских городов. Есть несколько памятников, посвященных Второй мировой войне, поскольку много зданий в городе пострадало от бомбежек — там же работал оружейный завод, так что его сильно бомбили. А соседний город Ковентри был вообще полностью разрушен. Это не самый привлекательный для туристов город Великобритании, но тем не менее определенный интерес он, несомненно, представляет. В Британии почти везде есть угольные каналы, которые в свое время были построены для переправки угля. Есть сеть каналов и в Бирмингеме, они сохранились и поддерживаются, сейчас

они в очень хорошем состоянии. Я бы не сказал, что это какое-то экстраординарное зрелище, но покататься по узким каналам в плоскодонных лодках довольно любопытно. Отмечу еще один важный момент: когда я говорю про Бирмингем, я говорю про сам город, хотя многие связывают Бирмингем с его окрестностями. Там очень много маленьких деревушек, которые формально входят в метрополию Бирмингема. Бирмингем — это центр региона Уэст-Мидлендс.

Совсем недавно там открылось новое здание центральной библиотеки. Оно выглядит достаточно современно, в нем есть смотровая площадка. Бирмингем — это город, связанный с футболом, как и многие другие британские города: это домашний город футбольной команды «Астон Вилла» — там есть стадион этой команды и есть Университет Астон. Но университет назван, конечно, не в честь футбольного клуба, а потому, что был такой замечательный архитектор по фамилии Астон. Бирмингем славится своим диалектом. После того как я провел в Бирмингеме год, мне говорили, что у меня тоже появился бирмингемский акцент.

Но, как и все другие студенческие города, Бирмингем подвержен влиянию многих культур. Там достаточно большая китайская диаспора, много арабских кварталов. Помню, как-то я ехал в аэропорт и выглядывал в окно — и на минуту мне показалось, что я нахожусь не в Англии, а совершенно в другой стране. Кругом были босые дети, все надписи — на арабском языке, повсеместно шла стихийная торговля фруктами. И я спросил водителя, где мы, собственно, едем. Он ответил, что мы едем по Бирмингему. В городе есть несколько театров, замечательные парки. Отмечу, что парки в Британии — это, пожалуй, одни из лучших парков в мире, в которых я был, потому что они устроены в полном соответствии с принципом «все для людей». В общем, город очень разнообразный, интересный. В нем стоит побывать.

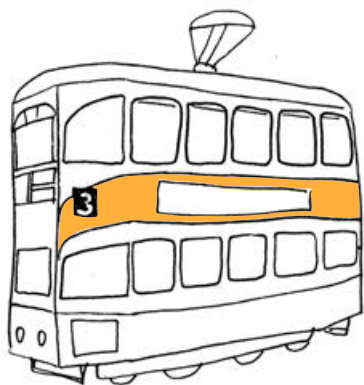

ГЛАЗГО

Елена Рогова

Я была в Глазго в 1994 году. Это была моя первая поездка за границу с научными целями. В то время реализовывалась программа TEMPUS по созданию в России магистерских программ. В рамках этой программы был объявлен большой конкурс среди вузов на поездку на стажировку. Я тогда была аспиранткой в Финансово-экономическом университете. Нам предложили подать документы на конкурс. Можно было поехать в Глазго, Йену и Гренобль, но так как единственным языком, который я хорошо знала, был английский и я всегда увлекалась Шотландией, ее культурой и историей, то я выбрала Глазго. Подала документы на конкурс и выиграла. Мне пришлось сдать экзамен TOEFL. Я получила сертификат и после этого поехала в Глазго. Я оказалась на стажировке в бизнес-школе Университета Стрэтклайда. Процесс моего обучения там был построен следующим образом. Во-первых, у меня был там руководитель, который являлся координатором программы TEMPUS и с которым мы обсуждали и план моего обучения, и отчет. Во-вторых, я должна была посещать занятия, а в конце — написать отчет о том, что я делала. За триместр обучения мне надо было набрать 20 кредитов для того, чтобы получить зачет. Я посещала курсы, в основном посвященные темам, близким теме моей диссертации, — финансы и инвестиции. Занятия начинались в 9 часов и заканчивались в 16. Очень интересными были сами занятия. На них было много дискуссий, разборов кейсов. Очень многое из этого я потом использовала в своей жизни. Причем занятия компоновались так, что длительных перерывов между ними не было, хотя проходили они в разных зданиях кампуса. Если перерывы все-таки случались, я шла либо в бассейн, где у меня был льготный бесплатный абонемент, либо в библиотеку, либо в кампус, где у меня был офис. Хотя я делила его с двумя китайскими аспирантками, тем не менее могла там спокойно заниматься. После занятий шла в библиотеку. Тогда еще не было интернета, поэтому в библиотеке мы проводили довольно много времени — копировали статьи, делали записи. Потом, в 18-19 часов, я шла из университета домой.

Мою поездку финансировал Евросоюз, но так получилось, что все деньги я получила фактически в последний день пребывания в Глазго, то есть три месяца я прожила практически без денег, поэтому вынужденно пользовалась всеми благами бесплатной инфраструктуры Глазго. Надо сказать, что в этом плане Глазго прекрасный город. В частности, там все городские музеи бесплатные, что было большим подспорьем. Кроме того, меня приглашали куда-то коллеги из бизнес-школы, знавшие о моем незавидном финансовом положении и интересовавшиеся Россией, — либо на обед, либо на экскурсию, либо на автомобильную прогулку. В воскресенье, как правило, я ходила в какой-нибудь музей или просто гуляла по городу. У меня, несмотря на приличный английский, было достаточно много языковых проблем. Производит неизгладимое впечатление шотландский акцент. Сначала ты практически ничего не понимаешь из того, что они говорят. Потом просто к нему привыкаешь.

В нашей стране — по крайней мере там, где я училась в аспирантуре, — особой академической жизни не было. В 1990-е годы ощущалась некоторая растерянность при мысли о том, что будет дальше, как дальше будут развиваться наука и образование. Все скорее стремились как-то зарабатывать деньги на жизнь. У нас были очень интересные курсы, были редкие выступления хороших ученых, кафедральные семинары, конференции, но все это происходило от случая к случаю. Я работала во время учебы в аспирантуре, потому что иначе просто невозможно было обеспечить себе нормальное существование. Когда я попала в Глазго, я поняла, что такое настоящая академическая жизнь. Там что-то постоянно происходило, постоянно шли какие-то семинары, проходили живые дискуссии. Студенты все время устраивали разные интересные мероприятия. Конечно, больше всего меня потрясла библиотека. Понятно, что с тех пор я побывала во многих местах, видела самые разные библиотеки, но тогда, когда я попала в библиотеку Стрэтклайда, она произвела на меня большое впечатление. Там можно было копировать все, что важно, ведь у нас в то время никаких ксероксов не было. Там я нашла много очень полезных материалов для своего исследования. Я серьезно продвинулась в своей работе над диссертацией, хотя еще за три месяца до поездки думала, что двигаться уже некуда. Там у меня появились значимые научные контакты, которые мне потом пригодились.

Я вновь оказалась в Глазго в 2011 году на конференции в том же университете. Конечно, большинство из тех людей, с которыми я общалась там, уже в этом университете не работают в силу академической мобильности, но привязанность к этому месту у меня сохранилась. Приятно просто пройтись по аллеям и лужайкам кампуса, посмотреть на современные скульптуры, посетить местный стадион.

Вышка — международный университет, у нас достаточно много зарубежных преподавателей. Но в Стрэтклайде даже в 1990-е годы среда была абсолютно международной. Было много людей из разных стран, много разных языков и акцентов. Хотя наши занятия проходили на английском языке, но преподаватели были из Испании, Италии, Латинской Америки, Бельгии и др. В общем-то, преподавателей-британцев практически и не было. Состав студентов тоже был абсолютно интернациональным. Были студенты из Китая, Индии, Украины, Казахстана, Колумбии и других стран. Однако я оказалась единственной россиячкой. Причем это был 1994 год. Тогда не было еще ни Шенгена, ни Евросоюза в таком формате, в котором он существует сейчас. Тем не менее было ощущение, что это единая Европа, — и это было здорово. Эта интернациональная атмосфера накладывала отпечаток на преподавание, потому что дискуссии, которые проводились на занятиях, имели сравнительный характер. Так, например, если мы изучаем банкротство, то тут же все начинают активно обсуждать то, как обстоят дела с банкротством в разных странах. Занятия проходят достаточно интенсивно. Сначала читается часовая лекция, а потом сразу же проходит часовой семинар, то есть эти формы занятий не отделены одна от другой промежутком времени, как у нас. Мне было немного трудно в этом плане, потому что я привыкла к другому способу подачи материала. Но хорошо, что к преподавателям всегда можно было подойти и после занятий задать любой вопрос.

Я — человек, воспитанный на классической британской литературе. Я много читала про Шотландию, мне нравится творчество Роберта Бёрнса, Вальтера Скотта, Роберта Стивенсона, Арчибальда Кронина. Поэтому я, собственно, и захотела поехать именно туда. И мне казалось, что когда я приеду в Шотландию, то увижу нечто угрюмое, серое, мрачное. Когда же я там оказалась, то ничего мрачного не увидела. Мне даже, вероятно, и с погодой повезло — в основном было достаточно солнечно, несмотря на то что это север Великобритании: в ноябре и декабре цвели розы, а снег выпал только однажды, в день моего отъезда. Кроме этого, люди в большинстве своем оказались очень открытыми, дружелюбными, причем это касалось не только людей из университета, но и тех людей, с которыми приходилось общаться в магазинах, музеях, на улице. Они очень охотно со мной говорили, помогали мне, старались не просто формально меня «отбаярить», а действительно решить мою проблему.

Одна чудесная история произошла со мной в общежитии. Там в основном жили аспиранты и люди, которые приезжали по обмену, вроде меня или гостевых преподавателей. Условия были достаточно спартанскими, удобства на этаже, но у каждого своя комнатка, а вот кухни — общие. У меня было очень мало денег, поэтому я покупала только молоко, йогурт, мюсли — и все. В университете мне еще давали талончики на обед. Так вот, однажды я обнаружила, что у меня стали пропадать продукты из холодильника. В итоге, поскольку денег у меня не было, я просто написала записку о том, что я — аспирантка из России и у меня нет денег на то, чтобы постоянно угощать соседей. И через некоторое время продукты перестали пропадать, а я нашла у себя на полке упаковку шотландского печенья и записку с извинениями. Это было очень трогательно.

В Шотландии я была не только в Глазго. В университете надо мной взяли шефство, и благодаря этому меня приглашали на обед, ужин или в гости. Поэтому я побывала в разных уголках этой страны, была и в горах, и на побережье. Вообще, это была моя первая по-настоящему заграничная поездка. До этого я была в Праге в конце 1980-х и в Берлине в начале 1990-х в составе студенческих групп. Это были все-таки еще постсоциалистические города. По контрасту с ними Глазго и Шотландия в целом произвели на меня совершенно неизгладимое впечатление. Я была абсолютно одна, и устроено все было по-другому. Там чувствовался тот дух свободы, который я нигде ранее не ощущала.

Глазго, конечно, менялся. В 1994 году там было несколько заброшенных кварталов, из которых ушли люди: стены домов в них были сплошь покрыты граффити, заходить в эти кварталы не рекомендовалось — и действительно было страшно. Сейчас этого нет. На месте этих домов либо разбили парки, либо построили современные, не выбивающиеся из общего стиля сооружения. Очень преобразился порт. Он находился неподалеку от моего общежития и тоже был в плохом состоянии. Теперь там очень красивая прогулочная зона. Таким образом, город поменялся в лучшую сторону.

Как уроженка и житель Санкт-Петербурга, я знаю, что такое соперничество между городами за первенство. Это соперничество есть и в Шотландии. Глазго — вторая столица Шотландии, и этот город сильно отличается от Эдинбурга, официальной столицы. Глазго — город, интересный с точки зрения архитектуры стиля модерн, очень дружелюбный. Там есть чем себя занять, что посмотреть и куда сходить. Там работали интересные архитекторы начала XX века. В Глазго красивый кафедральный собор с потрясающими витражами, картинная галерея, постройки, оставшиеся от всемирной ярмарки начала 1970-х годов, совершенно потрясающее поместье с музеем, где можно посмотреть на то, как пасутся шотландские мохнатые коровы. Все это можно обойти и объехать за два-три дня. А дальше надо ехать в Эдинбург, благо между городами всего час езды. Эдинбург тоже мне очень понравился. Это красивый город со средневековой архитектурой, которой в Глазго нет. Эдинбург — это история Шотландии. Там находится замок Марии Стюарт, театры, музей виски и много всего другого, чем известна во всем мире Шотландия. Он очень красиво расположен — как настоящий средневековый город, с замком на горе. Поэтому обязательно надо съездить в Эдинбург. Но он мне показался немного снобистским, напыщенным. Глазго в этом отношении менее напряженный и более спокойный. Мне, как жителю Петербурга, Глазго ближе. Так как я очень люблю Роберта Бёрнса, то съездила еще в Дамфрис, где он похоронен. Его могила — это средоточие народной любви. Там всегда цветы. Это очень красивое, трогательное место.

Вообще мне Глазго очень понравился, и, наверное, если бы была возможность поехать туда еще раз, то почему бы и нет. Конечно, и у него есть недостатки, но это очень красивый, интересный для жизни город.